

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

ПЕРЕПИСКА А. Т. БОЛОТОВА С Н. Е. ТУЛУБЬЕВЫМ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК

В предисловии к мемуарам Андрей Тимофеевич Болотов объяснил выбор эпистолярной формы так: «...что принадлежит до расположения описания сего образом писем, то сие учинено для того, чтоб мне тем удобнее и вольнее было рассказывать иногда что-нибудь и смешное».¹ На первый взгляд такое объяснение кажется удовлетворительным. Вместе с тем обращение к эпистолярному наследию автора показывает, что болотовский тезис требует как минимум комментария. В данной статье предпринята попытка понять, что именно Болотов перенес в мемуары из реальной эпистолярной практики, а также из какой именно. На протяжении всей жизни он писал довольно много писем: родственникам, друзьям, знакомым, а также различным корреспондентам, связанным с ним какой-либо деятельностью, например издательской или в Вольном экономическом обществе. О большей части этих писем известно с его собственных слов, то есть из мемуаров, сами документы до нас не дошли. Виною тому, скорее всего, не сам Болотов, а такие обстоятельства, как «небрежение потомков» или «прожорливость крыс», потому что он относился к своей переписке более чем бережно. В болотовских архивах есть несколько образцов такого добросовестного отношения к своему эпистолярному наследию, показывающего, что он не только переплетал, но даже переписывал собственные письма и ответы на них. В качестве примера можно привести переписку с дальним родственником Н. С. Арцыбышевым (1808—1809),² или сборник

¹ Жизнь и приключения Андрея Болотова, написанные самим им для своих потомков. СПб., 1870. Т. 1. Стб. 2.

² Переписка двух родственников, не знающих друг друга лично // РО БАН. Собр. 69. № 395.

избранных писем и фрагментов писем от сына и внуков (1825).³ До нас дошло много писем к сыну и от сына, вероятно, сохранил их сам Павел Андреевич (отчасти они включены в мемуары за период с 1789 по 1790 г.).

Как известно, главы болотовских мемуаров имитируют дружескую переписку и начинаются с обращения «любезный приятель», поэтому в первую очередь имеет смысл сопоставить записки именно с дружеской перепиской. Образец такой переписки сохранился и относится к довольно раннему времени, то есть периоду военной службы Болотова в Семилетнюю войну, а точнее, к периоду его службы переводчиком в Канцелярии русского губернатора Восточной Пруссии в Кенигсберге. Там Болотов познакомился с неким лейтенантом флота Николаем Еремеевичем Тулубьевым. Р. М. Лазарчук удалось выяснить некоторые сведения о нем — это был дворянин 1735 г. р. (на 3 года старше Болотова), в 1755 г. окончил Морской кадетский корпус мичманом.⁴ Вот что пишет о Тулубьеве Болотов: «Он был человек еще молодой, однако несколькими годами меня старше, и, как всякому морскому офицеру свойственно, нарочито учен и во многом столь сведущ, что можно было с ним всегда о многих вещах с удовольствием говорить. Но все сие не сдружило бы нас с ним так много и так скоро, если б не случилось у обоих нас нравы и склонности во всем почти одинакие и такая между обоими нами натуральная симпатия, что мы с первого почти свидания полюбили друг друга, а чрез несколько дней так сдружились и так сделались коротки, как бы ближние родные».⁵ Вскоре Тулубьева перевели в Мемель и между ним и Болотовым завязалась переписка, которая длилась как минимум полгода: с октября 1760 по март 1761 г. За этот период Болотовым было написано 27 писем. В разных частях мемуаров Болотов дает разные объяснения тому факту, что переписка прервалась. В одном месте он пишет, что получил предписание отправляться в полк и прервал переписку.⁶ В другом — что Тулубьев ушел в море.⁷ Имеющиеся письма обрываются так, как будто никакого договора о прекращении переписки не было, то есть последнее письмо не выглядит таким. Сохранились только письма Болотова Тулубьеву. Со слов

³ Любопытная переписка между ближайшими родственниками. Ч. II // РО ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 28.

⁴ Лазарчук Р. М. Роман Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» в контексте писем А. Т. Болотова Н. Е. Тулубьеву // Карамзинский сборник : Россия и Европа : Диалог культур. Ульяновск, 2001. С. 168.

⁵ Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1. Стб. 996.

⁶ Там же. Т. 2. Стб. 46.

⁷ Там же. Т. 1. Стб. 997.

Болотова, Тулубьев «вскоре умер» и перед смертью приказал вернуть письма их автору. Установить время, когда это произошло, пока не удалось. Болотов в мемуарах несколько раз упоминает об утрате своих книг и бумаг за период военной службы. Можно предположить, что тогда же были утрачены письма Тулубьева, а свои собственные письма Болотов получил позже, после отставки. Впрочем, нельзя не отметить, что интерес к собственной персоне у Болотова был достаточно высок и образцы собственного творчества он хранил с большим тщанием. Некоторые фрагменты болотовских писем готовились к публикации в журнале «Русская старина», сохранилось написанное М. И. Семевским предисловие к ним. В научный оборот эти письма ввела Р. М. Лазарчук в своей кандидатской диссертации о дружеской переписке XVIII в.⁸

Письма Болотова Тулубьеву дошли до нас в двух вариантах. Первый источник — это 27 писем из архива редакции журнала «Русская старина», куда они были присланы тульским помещиком А. И. Цвилленевым в 1872 г. по запросу М. И. Семевского.⁹ Письма написаны на бумаге голландского производства 1750—1760-х гг.¹⁰ формата in quarto и переплетены в бумагу с водяным знаком 1800 г.¹¹ Все письма датированы и пронумерованы, расположены в хронологической последовательности. В письмах с 1 по 10 приписана другой рукой дата получения. Тетрадки, сшитые в общую тетрадь, разной толщины, на стыке двух сложенных листов в углу расположены значки перехода (звездочки, стрелы, цветочки, встречаются также птичка и зайчик). Все это подтверждает, что перед нами именно те письма, которые Болотов получил назад после смерти своего друга.

Второй источник представляет собой сборник из 15 писем¹² в картонном переплете с кожаным корешком, на котором стоит оттиск «ПИСМА 1760» и красным обрезом. Бумага формата in

⁸ Лазарчук Р. М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.

⁹ Письма А. Т. Болотова Н. Е. Тулубьеву (РО ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 29. 175 л.). Далее цитаты из писем по этому источнику даются в тексте с пометой «ИРЛИ» и указанием листа.

¹⁰ Филигрань «Pro Patria», литеры GR и J. Honig and Zoon. См.: Клетиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII—начала XX века. М., 1978. № 1044—1049.

¹¹ Именно в этом году Болотов приступил к написанию той части мемуаров, которая касается его службы в Кенигсберге и дружбы с Тулубьевым. Поэтому логично предположить, что он обращался к этим письмам для создания записок и поэтому заново переплел их.

¹² Болотов А. Т. Письма к разным лицам. 1760 г. (РО РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 110. 85 л.). Далее цитаты из писем по этому источнику даются в тексте с пометой «РНБ» и указанием листа.

quarto, предположительно литовского производства 1750-х гг.¹³ В книге содержатся письма с 4 октября 1760 по 30 декабря 1760 г. Все они датированы и пронумерованы, расположены в хронологической последовательности. Часть этих писем (с 5-го по 7-е и с 9-го по 15-е) повторяет первые десять писем Тулубьеву из архива ИРЛИ. Кроме того, в книге содержатся письма сестре Марфе Тимофеевне Травиной (2-е письмо), ее мужу, болотовскому зятю Андрею Федоровичу Травину (1-е письмо), дяде Матвею Петровичу Болотову (8-е письмо), а также некому «господину Ч.» (4-е письмо)¹⁴ и «секретарю Н. С. С.» (3-е письмо), который, судя по содержанию, обещал быть посредником в переписке с Ч., то есть передавать ему письма. Этот источник дает возможность установить, какую еще переписку вел Болотов. Письмо к Ч. по стилю и содержанию немного похоже на письма к Тулубьеву. Из этого письма можно понять, что Болотов уже получил от своего приятеля письмо, но задержался с ответом. Вероятно, эта попытка завести дружескую переписку в итоге оказалась неудачной, но она свидетельствует о том, что Болотов в принципе к этому стремился.

Различия в письмах к Тулубьеву в двух тетрадах в целом незначительные и в основном сводятся к перестановке и несущественной замене отдельных слов, что можно проиллюстрировать на следующем примере (разночтения выделены полужирным шрифтом):

ИРЛИ. Письмо № 1

Государь мой <зачеркнуто: Николай Еремеевич>

Вы обманывались, думая, что корреспонденция наша зачнется вашим письмом, как говорили вы прежде вашего отъезда. Нерадив бы был приятель ваш и худо бы познавал цену того дружества, которым

РНБ. Письмо № 1 к Н. Е. Кенигсбергу ноября 16 д. 1760

Гдрь мой Н. Е.

Вы обманывались, думая, что корреспонденция наша зачнется вашим письмом, как говорили вы прежде вашего отъезда. Нерадив бы был приятель ваш и худо бы познавал цену того дружества, которым

¹³ Точного соответствия в справочниках по филиграням на бумаге XVIII в. установить не удалось, но сходные по рисунку филигранные изображения с изображением прусского орла с ключом, цепью и литерами DK в лапах, а также литеры IFA и IFHM встречаются на бумаге литовского производства 1750—1770-х гг. См.: *Laucevicius E. Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. Atlasas*. Vilnius, 1967. № 265, 269, 297, 300, 310, 314, 2404, 2845.

¹⁴ Анализируя именной указатель к мемуарам Болотова на литеру «Ч», с учетом содержания письма, из которого следует, что его адресат служил вместе с Болотовым и происходил из близких мест, можно предположить, что это Иван Егорович Челищев, поручик, впоследствии советник Тульской уголовной палаты.

удостоили вы его **толь** в короткое знакомство, **если** б преминул того, которого принудило его не знаю что с самого первого свидания высокопочитать и стараться приобрести благосклонность, которой нимало не посумнился принять его в число своих приятелей и который тому несколько проб уже оказал, ежели б мог, говорю я, преминуть поздравить его с благополучным приездом. По крайней мере **того** я уповаю и не смею себе вообразить, чтоб какое-нибудь нещастие могло вам на сей короткой поездке приключиться, ибо про **такое** что никогда слуху моему не можно будет слышать без чувствительнейшей печали. Итак, полагаю я, что **Всевышний** защитил вас от всех противных случаев и **доставил до места** в радости. Куда желал бы я, чтоб поздравление мое с благополучным вашим приездом было первое, которое вы услышите. Но что нужды? Хотя б оно и не такое было: довольно, что оно есть **самое искреннейшее** и происходящее от сердца, которое вам предано. Правда, охотно б хотел я, и тысячу бы раз для меня приятнее было, если б такие поздравления вам чинить мне нужды не было.

Но что делать, когда отняли вас неотвратимые обстоятельства **от нас** и лишили меня удовольствия пользоваться присутствием вашим. Но тщетно будет жаловаться о том, чего отвратить не можно, лучше повиноваться времени, чему следуя, обнимаю в мыслях вас, любезный приятель, и желаю, чтобы не только все минуты пребывания вашего в Мемеле вам приятны были, но чтобы каждая и новую радость приносила. Не менее ж бы желал, чтобы некоторые из них и того на мысль вам приводили, который, искреннейшее к вам высокопочитание имея, за великое щастие себе ставит вам другом называться, и сие драгоценнейшее имя

удостоили вы его **столь** в короткое знакомство, **ежели** б преминул того, которого принудило его не знаю что с самого первого свидания высокопочитать и стараться приобрести благосклонность, которой нимало не посумнился принять его в число своих приятелей и который тому несколько проб уже оказал, ежели б мог, говорю я, преминуть **он** поздравить его с благополучным приездом. По крайней мере **сего** я уповаю и не смею себе вообразить, чтоб какое-нибудь нещастие могло вам на сей короткой поездке приключиться, ибо про **таковой случай** никогда слуху моему не можно будет слышать без чувствительнейшей печали. Итак, полагаю я, что **вышний** защитил вас от всех противных случаев и **до места доставил** в радости. Куда желал бы я, чтоб поздравление мое с благополучным вашим приездом было первое, которое вы услышите. Но что нужды? Хотя б оно и не такое было: довольно, что оно есть **самоискреннейшее** и происходящее от сердца, которое вам предано. Правда, охотно б хотел я, и тысячу бы раз для меня приятнее было, если б такие поздравления вам чинить мне нужды не было.

Но что делать, когда отняли вас неотвратимые обстоятельства и лишили меня удовольствия пользоваться присутствием вашим. Но тщетно будет жаловаться о том, чего отвратить не можно, лучше повиноваться времени, чему следуя, обнимаю в мыслях вас, любезный приятель, и желаю, чтобы не только все минуты пребывания вашего в Мемеле вам приятны были, но чтобы каждая и новую радость приносила. Не менее ж бы желал, чтобы некоторые из них и того на мысль вам приводили, который искреннейшее к вам высокопочитание имея, за великое щастие себе ставит вам другом называться, и сие драгоценнейшее имя поситъ величайшим

носить величайшим удовольствием
имея, всегда того достойным де-
латься и быть не преминет

удовольствием имея, всегда того
достойным делаться и быть не пре-
минет

Вашим покорнейшим слугою

вашим и проч.

<подпись зачеркнута>

Кенигсберг

Ноября 16 дня

Есть основания предполагать, что соотношение этих источников следующее. Сначала писались письма из архива ИРЛИ, которые потом были отправлены, дошли до адресата, после его смерти вернулись к Болотову и были позднее переплетены. Но перед отправкой эти письма переписывались в готовую, заранее сшитую из равных по объему тетрадок, книгу.¹⁵ Почерк в книге из архива РНБ четче,¹⁶ рукопись оформлена виньетками и заставками, все страницы заполнены, на последней рисунок карандашом на полстраницы: гроза, туча из которой бьют молнии, над тучей солнце, и большая птица летит к солнцу, внизу фигурка человека с ружьем или с палкой наперевес. В этой книге имена и слова «господин» и «государь» сокращены, нет подписей под письмами, что лишний раз подтверждает, что эти письма не отправлялись. Показательна сноска-комментарий под звездочкой в 7-м письме (3-м из адресованных Тулубьеву). Она дана к упоминанию некоей Мемиски, которой Болотов периодически передавал привет. Из контекста не понятно, что это за существо женского пола, можно предположить, например, что это какое-то домашнее животное или певчая птица. Но сноска, отсутствующая в аналогичном письме из архива ИРЛИ, гласит: «Приятель мой, к кому сие письмо послано, будучи здесь в Кенигсберге купил себе табакерку, на которой нарисована была одна женщина, сидящая в унынии в лесочке; между шутками, именовал я ее Меми. С кою и о сей же Мемиске говорю я теперь» (РНБ. Л. 20). Эта сноска могла быть сделана для памяти, но может также свидетельствовать и о предполагаемом стороннем читателе писем. Наконец, последняя часть 4-го письма из архива ИРЛИ, которая была написана в канцелярии в ожидании отправки почты, сокращена в архиве РНБ под заголовком «Екстракт того, что было писано в канцелярии», то

¹⁵ Помимо прочего, это дает представление о свободном времени офицера на канцелярской службе.

¹⁶ В целом белые и черновые рукописи Болотова существенно отличаются почерком: от почти каллиграфического четкого почерка тех рукописных «книг», которые он переплетал и предназначал для чтения другими, до плохо читаемой скорописи набросков «для себя».

есть, вероятно, содержание части отправленного письма было восстановлено по памяти.

Предваряя будущую публикацию отрывков из писем, Семевский дал им весьма исчерпывающую характеристику: «Содержание писем не представляет интереса: известий о современных автору событиях, о войне или описаний пребывания русских в древней столице Бранденбургии¹⁷ — или нет, или очень мало. 28-летний¹⁸ офицер выражает пылкую любовь к своему другу, беспрестанно высказывает это чувство, анализирует его, то благодарит за письма, то дружески пеняет „любезному приятелю“ за его молчание и т. п. Известия, какие попадают в письмах: о балах, маскарадах, лотерее, смене кенигсбергского губернатора Корфа В. И. Суворовым, о рекомендации, какую сделал первый, представляя Болотова своему преемнику, наконец, хлопоты о том, чтобы отделаться от похода и остаться в Кенигсберге («худая стоянка — лучше доброго похода» — говорит Болотов), — все это почти дословно перенесено Андреем Тимофеевичем из этих писем в свою автобиографию, за которую он принялся почти тридцать лет спустя <...>. Заметок о прочитанных книгах в письмах Болотова 1760 г. попадает мало, но много общих рассуждений о смерти, «о пресовершеннейшем порядке, который во всей натуре имеется» (стр. 143 рукоп.), о милости и премудрости Творца, о любви и женитьбе (стр. 101 рукоп.), о чувствах при мысли о смерти, о истине (стр. 100 рукоп.) <...> Все это, конечно, имеет некоторый интерес, если вспомнить, что это писал молодой офицер русской армии более ста лет тому назад, почти самоучка и представитель лучшей части тогдашнего служилого дворянства...».¹⁹ Следует сказать, что Семевский действительно перечислил абсолютно все темы, которые составляют содержание писем Болотова. Далее он указывает, что «форма писем 1760—1761 гг. та самая, которую Андрей Тимофеевич принял 29 лет спустя для своей автобиографии, так что без сомнения кенигсбергская переписка и дала образец тем эпистолам к „любезному приятелю“, из которых и состоит жизнеописание нашего автора».²⁰

Замечание по поводу формы справедливо, причем эта форма выработалась в процессе развития заочного общения. Первые два

¹⁷ Ошибка Семевского. Кенигсберг был столицей Восточной Пруссии, столицей герцогства Бранденбургии был Берлин.

¹⁸ Еще одна ошибка. Болотову на момент написания писем было 23 года.

¹⁹ Болотов Андрей Тимофеевич. Отрывки писем к Тулубьеву Николаю Еремеевичу. Копии с примечаниями к ним, опубликованные в «Русской старине» (РО ИРЛИ. Ф. 537. № 43. Л. 8). Несмотря на то что данный архивный документ содержит гранки с корректорской правкой, публикация писем не состоялась.

²⁰ Там же.

письма Болотов написал почти подряд, не дожидаясь ответа и обращаясь к своему другу «Государь мой, Николай Еремеевич». Получив ответ, который он расценил как подтверждение дружеских чувств, с 3-го письма он стал обращаться «Любезный приятель!», причем первый раз такое обращение было снабжено пометой в скобках «(сие имя да будет всегда мое начало)» (ИРЛИ. Л. 6). Такое же обращение «Любезный приятель!» мы видим не только в мемуарах, но и в журнальных публикациях. В 1770—1780-х гг. Болотов издавал два журнала сельскохозяйственного и экономического содержания, в которых большую часть статей писал сам, причем в форме писем. Он придумывал корреспондентов с говорящими фамилиями (например, Садозадов) и в письмах «от издателя» обращался к ним «любезный приятель!».

Но помимо формальных приемов переписка значительно отличается от мемуаров за тот же период. В мемуарах, во-первых, много внимания уделено политике и военным действиям (и здесь Болотов явно пользовался рядом исторических источников), во-вторых, в них много бытовых зарисовок. В письмах всего этого почти нет. Что касается военных действий, то Тулубьев и сам был отчасти в курсе событий (хотя служба в канцелярии давала Болотову некоторые информационные преимущества), кроме того, определенные ограничения могла налагать военная цензура. Но в уходе от бытовых тем заметны личные предпочтения. По меткому замечанию Р. М. Лазарчук, здесь, вероятно, можно наблюдать случай, когда «дружеское письмо как литературный факт было одновременно и отрицанием бытового письма». В приведенной выше цитате из Семевского перечислены все фрагменты, перешедшие в мемуары, их немного, и они воспроизведены почти дословно. Примером может служить сцена представления вновь назначенному губернатору Восточной Пруссии В. И. Суворову.

ИРЛИ. Письмо № 12, л. 71—72

Хотя я и бесспорно уповал, что без рекомендации не останусь, однако же оказанная мне от прежнего губернатора милость превзошла все мои чаяния. Он, возвращаясь из задней канцелярии, нарочно для меня в моей комнате остановился и новому губернатору с следующими словами меня представил: «Сего офицера в особенности вашему превосходительству рекомендую». За сим следовали похвалы малым моим каче-

Записки. Т. 1. Стлб. 34—35

Я хотя нимало не сомневался в том, что не останусь никак без рекомендации от старого губернатора новому, однако оказанная мне от прежнего при сем случае милость превзошла все мои чаяния и ожидания. Он, возвращаясь с ним из задних канцелярских комнат, нарочно для меня в моей комнате остановился и новому губернатору с следующими словами меня представил: «Сего офицера я в особенности вашему

ствам, и могу сказать, что почти все они не только не позабыты, но, по моему мнению, несколько еще преувеличены были. Одним словом, я сам не знал до сего времени, что поведение мое так тонко было ему известно. Состояние мое, в котором я тогда находился, предаю я на собственное ваше представление. А только скажу, что я ту четверть часа, в которую беспрестанно похвалы слышать принужден был, как на огне горел. Вы, любезный приятель, на меня и подивить не можете, что сие причиняло мне немалое удовольствие, а особливо, когда чрез сей случай узнал, какого обо мне все мнения, ибо не только губернатор, но и все прочие с ним бывшие, почти взапуски меня выхвалять старались, а особливо когда чрез то в той правде удостоверен был, что добрые поступки никогда в забвении не останутся, но сами себе рекомендацию сыскивают, ибо могу вам сказать, что об рекомендации просить у меня и на уме не было. Не хорошее ли побуждение для меня к дальнейшему приобретению отчасу множайших совершенств? Не так ли, любезный приятель?

Новый губернатор не успел о имени моем услышать, как спрашивал меня, кто мой отец был. По ответе моему сказывал он, что родителя моего довольно знал, и спрашивал о некоторых, до фамилии нашей касающихся обстоятельств, и у какой я должности, и прочая. На сие последнее мне отвечать и времени не было: тотчас голосов в пять про то сказано было. Ему, как я заключил, было не неприятно о том слышать, а особливо, что я до наук и чтения книг охотник, ибо он и сам тому не неприятель. Коротко, он до такого любопытства доведен был, что не мог преминуть, чтоб не посмотреть, какие у меня на столе книги. И тут-то сожалел я, что почти никаких

превосходительству рекомендую». За сим и пошли исчисления и похвалы всем моим способностям, качествам и добрым свойствам, и могу сказать, что все оне были не только не забыты, но еще и увеличены. Одним словом, я сам не знал до сего времени, что поведение мое было ему так тонко и коротко известно. Состояние, в каком я тогда находился, не могу я никак описать, а только скажу, что всю ту четверть часа, в которую принужден я был слышать себе от всех бывших тут беспрерывные и наперыв друг пред другом производимые похвалы, горел как на огне и сам себя почти не помнил от смешения неожиданности, удивления и удовольствия. Новый губернатор не успел о имени моем услышать, как спросил меня, кто мой отец был. И как я ему сказал, то уверял меня, что он родителя моего знал довольно и спрашивал меня потом о некоторых, до фамилии нашей касающихся обстоятельствах и у какой нахожусь я тут должности. На сие последнее отвечать мне не было времени, ибо тотчас голосов в пять ему было ответствовано и вкупе сказываемо, как я нужен и прилежен, и прочее, и прочее. Сколько казалось, то было ему очень непротивно все сие слушать, а особливо уверения всех о том, что я охотник превеликий до наук, до рисованья и до читанья книг, которые у меня, как они говорили, не выходят почти из рук. Он сам имел к тому охоту, и любопытство его было так велико, что он восхотел посмотреть некоторые лежавшие у меня на столе книги. Тогда сожалел я, что не было тут никаких иных, кроме лексиконов, ибо прочие, все тут бывшие, отослал я на квартиру, и если б знал сие, то мог бы приготовить к сему случаю наилучшие. Со всем тем губернатор и все те пересмотрел и говорил со мною об них

не было, oprичь одних лексиконов. Ибо прочие все отослал я на квартиру, но кто же знал про то, а то бы я нарочно из лутчайших своих книг несколько приготовил. Из некоторых его вопросов мог я заключить, что он в книжном свете не незнакомый, он перебрал все мои книги и со мною про них разговаривал.

столько, что я мог заключить, что он довольно обо всем сведущ.

Среди случаев содержательного расхождения между записками и письмами стоит отметить только два, но и они не очень существенны. Так, с годами, очевидно, изменилась оценка лотереи, в которой Болотов участвовал: Тулубьеву он пишет об этом скорее с иронией, в мемуарах с резким осуждением и самого мероприятия, и своего участия в нем. Другой пример — описание частного бала, который устроили офицеры. В записках опущен тот факт, что на этом балу они разыгрывали роли губернатора и генералов, вероятно, со временем эта шалость перестала казаться Болотову забавной.

В целом следует признать, что письмам Болотова, по выражению Р. М. Лазарчук, «чужда повествовательная стихия».²¹ Наоборот, в них прослеживается стремление «превратить письмо в средство духовного общения».²² При этом, если говорить об их содержании, то можно выделить три основные составляющие: рефлексия по поводу самой переписки, философский самоанализ и анализ дружеских чувств (в теоретическом и практическом преломлении) с попыткой проследить их эволюцию.

Эпистолярная рефлексия выражается в рассуждениях о длине писем, изъявлениях благодарности за письма и упреках за их задержку или краткость, похвалах письмам друга и самокритике в отношении стиля, рассказах о том, как ждал письма, получил его, читал, перечитывал и т. д. Так, в 9-м письме Болотов пишет, что брал накануне полученное письмо с собою на бал и, несмотря на все веселье, пять раз перечитывал его там (ИРЛИ. Л. 50). Характерное и принципиальное отличие писем от воспоминаний — это использование грамматического настоящего времени и стремление фиксировать события, мысли и чувства здесь и сейчас. Например, в 10-м письме Болотов описывает свои

²¹ Лазарчук Р. М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. С. 34.

²² Там же. С. 26.

переживания при чтении страниц полученного письма, отделяя каждый фрагмент звездочкой:

«Какие приятности! На первой странице!..

*

Какие мысли и какие благоразумные рассуждения! На второй, третьей и четвертой, но какое же и удивление умножается во мне отчасу...

*

Опять уже похвалы моим письмам. Вы, право, меня гордым делаете, о письмах многое думать заставляете. По моему мнению, того они недостойны.

*

Какие нежности, и какие приятные шутки далее!.. ей, ей, меня как вершка на два приросло, что вас неленивым и для меня трудолюбивым сделал.

*

Теперь вы спать пошли... прости, братец, добра ночь помолись завтра обо мне... » (ИРЛИ. Л. 54).

Следует отметить, что прием прерывающегося письма использовался как комический в пародиях на эпистолярные романы (например, часто в романе Г. Филдинга «Шамела» (1741) — пародии на «Памелу» С. Ричардсона).²³ В мемуарах и журнальных статьях Болотова отчасти произошла формализация этого приема: они часто заканчиваются фразой о том, что писать больше некогда или что письмо и так уже велико.

Самоанализ в основном касается той работы Болотова над собой, которую он называл постижением науки быть спокойным и которая впоследствии была изложена в его «Путеводителе к истинному человеческому счастью».²⁴ Практическое применение этой науки касалось прежде всего его переживаний по поводу возможной отправки в полк (Болотов отмечает, что Тулубьев упрекает его за «запах малодушия» (ИРЛИ. Л. 51 об.)). Иногда также

²³ Я благодарю О. О. Рогинскую, обратившую на это мое внимание.

²⁴ [Болотов А. Т.]. Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных, отчасти философических рассуждений о благополучии человеческой жизни и средствах к приобретению онаго. М., 1784. Ч. 1—3. О философских воззрениях Болотова см.: Веселова А. Ю. Эстетика Андрея Тимофеевича Болотова : Литературная критика и садово-парковое искусство. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. С. 19—55.

Болотов пишет об отношении к нему в канцелярии и своей реакции на это: «Какие имена и какие названия мне придаваемы уже ни были. Нехристь, бусурман, законопреступник (надобно знать за то, что мяса по постам ем). Но это ведь еще мало, иные совсем уже богоотступником и атеистом меня жаловали. Другие совсем противное говорят: ОН, БРАТ, ЧЕЛОВЕК УЧЕНЫЙ, ФИЛОСОФ, или ЧТО ТЫ ОБ ЭТОМ ГОСПОДИНЕ ФИЗИКЕ, АСТРОНОМЕ (хотели б они иногда и больше сказать да не знают) ДУМАЕШЬ? Или НЕ ТРОНЬ ЕГО, ОН ВЕДЬ СВЯТ МУЖ. Одним словом, в насмешках своих иные уже меры не знают. Что делать, пусть свое веселятся, но только жаль бедненьких, что они дурачат себя тем, иной бы и про глупость их и знать случая не имел, ежели б не сами они, хотя умными казаться, глубокое свое незнание изобличают. НЕ правда ли говорю? ...» (ИРЛИ. Л. 114 об.). Здесь невольно возникает аналогия с литературным типом маленького человека 40-х гг. XIX в., таким, как Макар Девушкин.

Кроме того, письма содержат обширные рассуждения философского характера о Боге, смерти и смертности и подобные им, причем обычно применительно к себе. С одной стороны, эти вопросы действительно волновали Болотова и его корреспондента. С другой — он, начав посещать занятия в университете, возможно, использовал переписку как площадку для тренировок в жанре философского диспута, отталкиваясь от какого-то повода, как например в 13-м письме: «Вчера, пришедши впервые домой обедать, нашел уже в горнице моей стол для меня набранный. Между тем как кушанье подавали, сел я под окно и дал волю своим мыслям. В самое сие время пришел к дверям нашим нищий и просил милостыни. Какой был то повод к размышлениям! Сей человек, думал я сам в себе, принужден целое утро, наг, бос и на стуже ходить и с великими трудами хлеба для дневной своей пищи приобретать. Ты же беспопечно теперь есть садишься. Но не такой ли ж ты человек, как он, не одним ли создателем создан ты с ним, и не одни ли природные выгоды имеешь? Не легко ль мог бы и ты таким же быть?» (ИРЛИ. Л. 85 об.). Эпизод с нищим здесь использован как риторический прием. В другом письме Болотов прямо заявляет: «Вот ваша тема! Теперь проповедь последует!» (ИРЛИ. Л. 45). Среди писем есть также отдельное философское рассуждение на заданную Тулубьевым тему: «Кто был гордее, Платон или Диоген?». Этот вопрос восходит к известному сюжету о Диогене, прошедшем по богатым коврам Платона, являвшемуся традиционным для риторических упражнений.

Наконец, в письмах Болотов постоянно обращается к тому, что есть дружество, возможна ли дружба на расстоянии, приводит примеры истинной и ложной дружбы. По письмам Болотова

можно проследить эволюцию дружеских чувств. Первые коротки и сдержанны, потом они становятся все более пространными (до 25 страниц), и в них все чаще появляется поиск примет истинной дружбы, обещания и опасения, что эти обещания не будут взаимными. Наконец нарастает «градус» нежных изъявлений дружеских чувств, адекватное восприятие которых, по-видимому, возможно только в сентиментальном контексте ((например, в 4-м письме Болотов пишет «...маленькому, белый кафтан с зелеными обшлагами и камзол носящему, послал бы двадцать поцелуев по воздуху» (ИРЛИ. Л. 12 об.)).

Р. М. Лазарчук усматривает в таком проявлении элементов сентиментального сознания некоторое опережение литературного процесса: «...захваченные процессами, которые несколько лет спустя приобретут ЗАКОНЧЕННОСТЬ в литературе, выльются в ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ, письма Болотова объективно делались „первоначальными накоплениями“, сыгравшими свою роль и в становлении жанра сентиментального романа, и в развитии русской традиции психологического анализа».²⁵ Это пронизательное и справедливое утверждение необходимо дополнить. Следует принимать во внимание культурный контекст, в котором находился Болотов, а именно воздействие немецкой литературы, о чем можно судить лишь в самом общем виде. Болотов в мемуарах пишет, что много читал, причем преимущественно философскую литературу и романы и, посещая кенигсбергские библиотеки, пользовался местной рекомендательной библиографией. Возможно, среди этих книг были письмовники и эпистолярные романы, повлиявшие на стиль его писем. В частности, отдельные фрагменты его писем совпадают с цитатами, которые Болотов выписывал в «Памятную книжку или собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях записанных» (1761).²⁶ В качестве примера можно привести болотовское рассуждение о дружбе: «О пользах дружества и коль они велики и многообразны, я пространно и упоминать не хочу; я скажу лишь вкратце, что истинному обоим сторонам благополучию ничто не может так поспешествовать, как истинное дружество, когда оно надлежащим образом содер­жано будет. Не

²⁵ Лазарчук Р. М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. С. 37. Данный тезис позволил исследовательнице провести сравнение писем Болотова с более поздним литературным произведением — романом Ф. А. Эмина (см.: Лазарчук Р. М. Роман Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» в контексте писем А. Т. Болотова Н. Е. Тулубьеву).

²⁶ Болотов А. Т. Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях записанных (РО РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 55. Л. 10 об., 121 об.—122).

весьма ли удобная вещь к получению обоюдных наших желаний будет (ибо я не думаю, чтоб и вы столько же, как и я, благополучным быть не желали), ежели мы обще и обоюдными силами оное себе искать и всеми образами и возможностями друг другу подавать вспоможение станем? Не величайшее ли и не чистейшее ли удовольствие оба иметь будем, когда в обоюдных наших благополучиях и злополучиях равное участие брать, и во всем либо советом либо делом руку помощи подавать? И друг другу все тайны наших сердец безопасно открывать, и друг от друга взаимное утешение получать станем? <...> Неложно говорил один древний цесарь что ДРУГ ЕСТЬ НАИБОЛЬШЕЕ БОГАТСТВО» (ИРЛИ. Л. 33). Цитируемый фрагмент, по-видимому, представляет собой вольную компиляцию нескольких цитат, выписанных Болотовым в «Памятную книжку». К сожалению, источники цитат в книжке не указаны и установить их пока не удалось.

Следует также сказать о том самом смешном, о котором шла речь в первой цитате из предисловия к запискам. В письмах практически нет комических эпизодов, какие в изобилии представлены в записках. Но есть многочисленные насмешки и подтрунивания над другом (вероятно, взаимные), а также поддразнивания. Так, Болотов трижды заводит разговор о том, что в Кенигсберге появилась некая Каролинка, и каждый раз оставляет ее секрет нераскрытым. И только с четвертого раза наконец объясняет, что это сатирические листки под именем Каролины (ИРЛИ. Л. 56), на которые он подписался и которые хотел переводить для друга. Можно привести еще один пример иронии, во 2-м письме, которое начинается с упреков в том, что друг не отвечает на письма: «...где считать мне вас, в числе ли живых вы обретаетесь или уже в царство мертвых переселились? Если паче чаяния последнее, и вы ныне на смертных уже с облаков взираете, то скажи мне любезная тень, каковы ваши тамошние обиталища, чем препровождаете вы там время, и веселее ли там здешнего или скучнее? Не теряете ли вы при всшествеии туда память о минувшей жизни и о делах, во время оной имевших. Мне кажется, что я не обманываюсь. Конечно, вы там совсем уже про земное позабыли, а то бы нельзя, чтоб вы приятеля своего уведомлением о себе не обрадовали. В живых я уже совсем вас не считаю, кольми ж паче, чтоб вы столь близко находились» (ИРЛИ. Л. 3—3 об.). Вероятно, для Болотова ирония в общении с другом была обязательной составляющей, и не исключено, что у этого представления был некий литературный источник.

В целом на имеющемся материале можно проследить некоторый сюжет развития дружбы. Сначала надежда на ее заочное продолжение. Сам Болотов свою переписку называл «заочные»

или «отсутственные» разговоры,²⁷ поэтому он нередко обращается и к диалогической форме, предлагая вопросы и возражения от имени друга: «Мне недосуг, — слышу я, что вы говорите, — я тому верю, — мне должно суетиться туда и сюда, за квартирою, за тем и за другим ходить, все сие может статься, — но для того право мое не пропадает, и то не уменьшает желание мое получать ваши письма, что вам меньше праздного времени остается, нежели я желал» (ИРЛИ. Л. 3). Есть также несколько фрагментов, описывающих мысленное посещение друга: «Тело мое теперь здесь, но дух, драгоценный приятель, конечно, с вами. Воображение мое представляет вас мне в моем доме, у меня в гостях и со мною забавляющегося. Мне мнится, что слышу приятные ваши разговоры, нежные шутки, что вижу те ласки, наслаждаюсь той уверенностью и тем драгоценным согласием, которое сделало минуты нашего знакомства вовек незабвенными. <...> О как бы желал я, чтоб мечта сия, хотя на одну минуту в правду обратилась» (ИРЛИ. Л. 11—11 об.). Здесь Болотов как будто не уверен в возможности продолжения отношений через письма и имитирует реальное общение.²⁸ На этом этапе идет постоянная сверка мнений, Болотов объясняет «должности дружбы», дает обещания соблюдать их и спрашивает Тулубьева, готов ли тот следовать его примеру. Потом наступает радостное признание того факта, что дружба сохранилась, несмотря на расстояния, их разделяющие. Следуют постоянные восторги по поводу совпадения мнений и объяснения своих чувств. Одновременно появляются и обиды: Тулубьев, вероятно, назвал Болотова архимандритом, Болотов ответил на это следующим пассажем: «Два приятеля имели собою переписку, один вздумал писать между прочим и о таких вещах, которые от материи обыкновенных писем отличны. Другой терпел долгое время такое болтанье и, поласкав несколько, не мог терпеть, чтоб в одном письме не назвать приятеля своего, не знаю архимандритом, не знаю игуменом, только приложенный ему ти-

²⁷ Формулировка «отсутственные разговоры» восходит к рассуждению о слоге писем Х.-Ф. Геллерта (*Gellert Chr. Praktische Abhandlung von dem guten Geschmacke in Briefen*. Leipzig, 1756) и повторяется в большинстве письмовников XVIII в., в том числе переведенных на русский язык, но чаще всего без указания автора. См., например: Новейший самый полный и подробный письмовник, или Всеобщий секретарь... Ч. 1—2. М., 1812—1815. Ч. 1. С. 2. Подробнее см.: *Дмитриева Е. Е.* Русские письмовники середины XVIII—первой трети XIX в. и эволюция русского эпистолярного этикета // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1986. Т. 45. № 6. С. 543—553.

²⁸ Несмотря на то что такой эпистолярный прием был весьма распространен, для Болотова он, видимо, был насыщен реальным содержанием, так как по мере развития переписки диалогичность как способ построения текста постепенно исчезает.

тул на то схоже был. Правда, сказываєте, что все то ведено было издевкой, но как бы то ни было, однако приятель его почел сие почти за насмешку, и хотя к какому раздору их дружества чрез то повод дать он, конечно, не намерен, однако ж для лучшего препровождения приятелю своему времени, почти в скором в своей откровенности раскаяшись, вздумал снять с себя преподобных отцов платье и надеть немецкий албышь светский кафтан, чтобы впредь набожного и прочего тому подобного не писать ничего больше, ибо он неискусством своим в таких вещах приятелю своему нагнал скуку...» (ИРЛИ. Л. 94—94 об.). В следующем письме Болотов оправдывается, что не имел намерения высказать обиду, и этот сюжет еще некоторое время продолжается, пока не наступает окончательное примирение.

Подводя итог, следует сказать, что, за исключением некоторых формальных элементов и отдельных немногочисленных эпизодов, переписка Болотова с Тулубьевым не стала источником для его последующих записок. Но для него самого она, безусловно, была очень важна, потому что явилась, во-первых, лабораторией стиля, а во-вторых, полем для тренировок в философско-теологической проблематике. Самое главное заключается в том, что письма впервые дали возможность осмысления и описания собственной личности, которые Болотов уже не прекращал в дальнейшем, хотя и в других формах.